

J. DOUGLAS CLAYTON

 <https://orcid.org/0000-0002-7155-1825>
University of Ottawa
Department of Modern Languages & Literatures
Ottawa, ON K1N 6N5
Canada
jdclayt@uottawa.ca

ВЛАДИМИР ЗВИНЯЦКОВСКИЙ

 <http://orcid.org/0000-0002-5242-2614>
Мариупольский государственный университет
Кафедра славянской филологии и перевода
vyaz57@ukr.net

ОЛЕГ, ВОЛХВЫ И ДВА АЛЕКСАНДРА (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ ПУШКИНСКОЙ БАЛЛАДЫ *ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ*)

OLEG, THE SORCERER, AND THE TWO ALEXANDERS (THE POLITICAL SUBTEXT OF PUSHKIN'S BALLAD *THE SONG OF THE WISE OLEG*)

Alexander Pushkin wrote his ballad “The Song of the Wise Oleg” (1822) in Kishinev during his forced administrative presence in the South (1820–1824). The poem retells, with meaningful differences, a legend in Nikolay Karamzin’s *History of the Russian State* that describes the miraculous death of the Kievan Prince Oleg, who is bitten by a snake hiding in the skull of the hero’s dead horse. The poem was inspired by Pushkin’s visit to Kamenka and Kiev in 1821 and his acquaintance there with the assembled members of the future Decembrist uprising, as well as his visit to the supposed site of Oleg’s grave. An examination of the work in the context of Pushkin’s *Southern Text* reveals that the poem is an allegory of the poet’s relationship with Alexander I and reflects his fears about the coming political upheaval in Russia and the potential death of the Tsar. The ballad contains the first instance of a motif that becomes familiar in his subsequent work, namely the miracle (*chudo*) as a sudden, unexpected, and life-changing event. The poetics of the poem represents an important step towards Pushkin’s masterpiece *The Comedy of Tsar Boris and Grishka Otrepyev* (1825; published in 1831 with the title *Boris Godunov*).

Keywords: Alexander Pushkin, Nikolai Karamzin, Oleg, ballad, miracle

Баллада Александра Пушкина *Песнь о вещем Олеге* (1822) была написана в Кишиневе во время ссылки поэта под видом служебной поездки на юг России (1820–1824). Баллада пересказывает, но со значительными изменениями, легенду из *Истории государства Российского* Николая Карамзина о смерти киевского князя Олега от укуса змеи, которая выползла из черепа его любимого коня. На создание стихотворения поэта вдохновило посещение Каменки и Киева в 1821 г. Здесь он познакомился с будущими декабристами, членами так называемого «Союза благоденствия», и увидел предполагаемое место могилы Олега. Анализ баллады как части Южного текста показывает, что произведение является аллегорией, в которой поэт выражает свои опасения по поводу возможности политического переворота в России и скорого ухода из жизни Александра I. В *Песни...* встречается мотив (прием), ставший важным элементом в последующих произведениях поэта, а именно чудо как внезапное, неожиданное событие, меняющее ход жизни. В целом *Песнь...* – важный шаг в развитии творчества поэта, который привел его к созданию *Комедии о царе Борисе и Гришке Отрепьеве* (1825), опубликованной в 1831 г. под заглавием *Борис Годунов*.

Ключевые слова: Александр Пушкин, Николай Карамзин, Олег, баллада, чудо

В первом томе *Истории государства Российского* Николай Карамзин пересказывает легенду, содержание которой известно всем говорящим по-русски, благодаря Александру Пушкину и его *Песни о вещем Олеге*. Произведение было задумано в Киеве и написано в Кишиневе двести лет назад. Читаем у Карамзина:

Сей герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным в самом усыплении старости. Он совершил на земле дело свое – и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы – так говорит Летописец – предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногой на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилася змея: она ужалила Князя, и герой скончался...»¹

Сам Карамзин относился к этой легенде скептически: «Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его...»².

Поэтов пушкинского поколения, авторов романтических баллад и дум, история смерти Олега не заинтересовала. В думе Кондратия Рылеева *Олег Вещий* ее главный герой – триумфатор, получающий от народа титул Вещего:

¹ Н. М. Карамзин, *История государства российского*: репринт. воспроизведение 5-го изд., выпущ. в 3 кн. с прил. «Ключа» П. М. Строева, Москва: Книга 1988, кн. 1, с. 86.

² Там же.

Весь Киев в пышном пиrowанье
 Восторг свой изъявляя
 И князю Вещего прозвание
 Единогласно дал [...]³.

а сюжет стихотворения *Олег* Николая Языкова (1826) – тризна по Олегу, которой Пушкин посвятил лишь последние несколько строк. Языков предлагает инверсию легенды: не князь принимает «смерть от коня своего», а наоборот, на его похоронах коня убивают (согласно варяжской традиции, конь сопровождает своего хозяина в загробный мир):

Но вот на середине булат засверкал.
 И бранному в честь властелину
 Конь белый, булатом сраженный, упал
 Без жизни к ногам своему господину⁴.

Таким образом, если Языков предлагает реалистическую версию смерти князя, то Пушкин выбирает для *Песни...* другую – «чудесную».

Чем отличается версия Пушкина от изложенной Карамзиным? По тому, как выстраивается сюжет в зависимости от политического подтекста, становится понятно, что Пушкин примыкает не к Рылееву, а именно к Карамзину, и полемику он ведет тоже с Карамзиным. В юности Пушкин испытал огромное влияние Карамзина, но, находясь в южной ссылке далеко от своих учителей, он стремится преодолеть их влияние и стать вполне и до конца *поэтически субъектным*, в том числе и в отношении традиционных *исторических объектов*. И вот перед нами первый случай, когда это ему удалось. *Песнь о вещем Олеге* – не просто стихотворный пересказ «замечания» Карамзина о сомнительной для него «явной народной басне», которая достойна замечания лишь «по своей древности»⁵; у Пушкина и «замечание» отнюдь не «замечание», и «песнь» не просто пересказ.

Прежде всего, перед нами *диаметрально противоположные* образы главного героя, равно имеющие право на существование, так как факты

³ К. Ф. Рылеев, *Полное собрание стихотворений*, вступит. статья В. Г. Базанова и А. В. Архиповой, подгот. текста А. В. Архиповой, примеч. А. В. Архиповой и А. Е. Ходорова, Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение 1971, с. 109.

⁴ Н. М. Языков, *Полное собрание стихотворений*, ред., вступит. статья и коммент. М. К. Азадовского, Москва; Ленинград: Academia 1934, с. 280.

⁵ Н. М. Карамзин, *История...*, с. 86.

о жизни Олега и сведения о его личности крайне скудны. Карамзин исходит из цитируемого им летописного предания, согласно которому от предсказания волхвов до гибели Олега прошло четыре года. Каким же был «сей Герой» на протяжении этих лет? «Смирный летами», он «хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром». Этот карамзинский сюжетный ход Пушкин потом использует в поздней *Сказке о золотом петушке* применительно к царю Дадону («Но под старость захотел / Отдохнуть от ратных дел / И покой себе устроить»⁶). В ранней же *Песни...* поэт начал с того, как Олег «сбирается... отомстить неразумным хозарам... за буйный набег», т. е. покой ему только снится, да он вовсе и не стар. Это важно прежде всего потому, что Карамзин, отталкиваясь от возраста Олега, говорит: «Он совершил на земле дело свое – и смерть его казалась потомству чудесною»⁷. Таким образом, по Карамзину, народу требовалось чудо, и потому он, народ, выдумал «басню» о предсказании волхвов. Чудесная жизнь завершается чудесной смертью. А по Пушкину, чудо не то, как Олег умер, а то, что с его самомнением ему удалось пережить своего коня.

Другая существенная разница между версиями Карамзина и Пушкина состоит в том, что у историка волхвы во множественном числе, а у молодого поэта волхв один. Более того, если исходить из речи персонажей, самомнением скорее грешит волхв. Думается, Дельвиг, первый публикатор *Песни...* (в альманахе *Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом*), неслучайно сдвинул кавычки, открывающие речь волхва, со строки 19 на 23. Возможно, он решил, что автор то ли механически ошибся, то ли допустил невероятную смелость «какого-то» волхва, так говорящего с грозным князем:

Волхвы не боятся могучих владык,
 А княжеский дар им не нужен;
 Правдив и свободен их вещий язык
 И с волей небесною дружен⁸.

В публикации Дельвига выходило, что это автор, современный поэт, тысячу лет спустя восторгается волхвами – а не сами волхвы так себя позиционируют; Пушкин отождествлял себя с волхвом, у которого язык «свободный» и «вещий».

⁶ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*: в 10 т., примеч. проф. Б. В. Томашевского, Ленинград: Наука. Ленинградское отделение 1977, т. 4, с. 358.

⁷ Н. М. Карамзин, *История...*, с. 86.

⁸ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений...*, т. 2, с. 100.

Но вернемся к чуду. У Карамзина написано: «Смерть его [Олега] казалась потомству чудесною». Пушкинская *Песнь о вещем Олеге* примечательна тем, что в ней появляется ключевое новое понятие, а именно понятие *чуда* как внезапного, неожиданного, меняющего судьбу события. В дальнейшем оно становится даже мотивом в сюжетах, потому что мышление Пушкина – его рефлексия о России, о власти, о морали, о его собственной судьбе в стране – происходит в его творчестве. Если Пушкин «народный» поэт, то его народность состоит именно в понимании роли чуда в культуре русского народа. В частности, у Пушкина слово «чудо» займет центральное место в его понимании истории. За месяц до смерти Александра и до декабристского восстания Пушкин закончил *Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве* – свое самое развернутое произведение о российской государственности, о самодержавии и о роли творческой личности. В пьесе центральную роль играет именно чудо воскресшего мученика Димитрия, причем за этим образом просматривается не менее чудесное появление Наполеона и его нападение на Россию⁹.

Вообще, чтение серии стихотворений одного автора – аналог посещения выставки картин одного художника: с одной стороны, каждое полотно представляет собой индивидуальное произведение искусства, определенное решение художественных задач, которые себе задавал мастер. Однако по мере того, как мы знакомимся с выставкой, бросаются в глаза общие черты: мотивы, излюбленные цвета, образы. Совокупность их приобретает смысл, который в отдельном произведении не так заметен, причем смысл развивается по мере того, как над ним работает художник. Можно даже говорить об «одержимости» художника, которая становится заметной по мере того, как мы созерцаем общий «пейзаж» его творчества. Дело в том, что в произведении искусства художник скрывает или вуалирует свой внутренний мир, но оставляет достаточно намеков, чтобы проницательный взгляд мог вскрыть его.

В случае стихотворений, написанных Пушкиным на юге, так называемого «южного текста», одной из этих «одержимостей» является отношение поэта к его тезке – императору Александру I. В России отношения между поэтом и властью всегда были сложными. В случае Пушкина они имели особенный, личный характер, который восходил к годам, проведенным будущим поэтом в Лицее. Изначально задуманный Александром I для обучения его младших братьев в кругу сверстников-аристократов, Лицей помещался в здании, примыкающем к Екатерининскому дворцу в Царском

⁹ О чуде в пьесе, опубликованной под заглавием *Борис Годунов*, см.: Дж. Даглас Клэйтон, *Тень Димитрия: опыт прочтения пушкинского «Бориса Годунова»*, пер. с англ. Л. Г. Семеновской и Й. Е. Сакулина, Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК 2007, с. 115.

селе. С обучением в лицее братьев так ничего и не вышло (иначе Пушкин мог бы оказаться «за одной партой» с будущим Николаем I, и невозможно настолько отрицать роль личности в истории, в особенности российской, чтобы не видеть, что тогда она, история, сложилась бы несколько иначе). Тем не менее физическое приближение ко дворцу отражало близость внимания власти к лицеистам. Неудивительно поэтому, что Пушкин был прикомандирован на юг к генералу Инзову по личному распоряжению государя, т. е. Александр вмешался *лично* в его судьбу, что вызвало раздражение у молодого поэта.

В результате этих взаимодействий тема двух Александров наглядна во многих стихах Пушкина южного периода, начиная со стихотворения *К Овидию* (1821), в котором ссылка римского поэта далеко от столицы по воле императора Октавиана сравнивается с судьбой автора стихотворения. Интересно, что данная «одержимость» породила неизданный *Воображаемый разговор с Александром I*, над которым Пушкин работал в Михайловском. Стихотворение *Кинжал* (1821), написанное на юге, звучит как прямое предупреждение Александру. Вообще роль слова «кинжал» и его синонимов «булат» и «нож» в южном тексте требует тщательного анализа. Слово связано с двумя темами. Первая – любовь и ревность, где оно служит как бы приемом для разрешения проблематики. Так, например, в *Черной шали* «булат загремел». Другие примеры можно обнаружить в *Цыганах* («нож») и в *Бахчисарайском фонтане* (Зарема, говорящая: «кинжалом я владею»). Другая тема, связанная с кинжалом, – политическое убийство, как в одноименном стихотворении, так и в *Песни о вещем Олеге*. Олег минует смерть от кинжала как такового: «И пращ, и стрела, и лукавый кинжал / Щадят победителя годы...». Интересно, что после 1825 г. Пушкин использует слово «кинжал» только два раза: в *Каменном госте*, где оно явно связано с любовной интригой, и в 15-й строфе X главы *Евгения Онегина* в политическом контексте: «Меланхолический Якушкин, / Казалось, молча обнажал / Царьубийственный кинжал»¹⁰. Вспомним, что Якушкин был в компании южного «Союза благоденствия» в Каменке в 1821 г., где Пушкин мог его наблюдать. Таким образом, *кинжал* (или *булат*) в южном тексте служит приемом для развязки, объединяя как стихи о любви, так и стихи на политическую тему¹¹. Олег такой участи избегает, но становится жертвой более непредсказуемого врага. Отметим также, что любовную и политическую тематику объединяет выбор одного и того же стихотворного размера для *Чёрной шали* и *Песни о вещем Олеге* – амфибрахия.

¹⁰ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений...*, 1978, т. 5, с. 183.

¹¹ В более «цивилизованном» мире *Евгения Онегина* кинжал заменяет пистолет.

В *Песни о вещем Олеге* мы находим прототип более развернутой рефлексии о власти и о судьбе власть имущих. Читая в *Истории государства Российского* об историческом князе Олеге, Пушкин не мог не реагировать на сходство между карьерами Олега и Александра. Олег пришел к власти в Киеве, предательски убив двух киевских князей. Как пишет Карамзин: «Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы»¹². А Александр? Как известно, его преследовала мысль о той роли, которую он сыграл в убийстве отца. В ходе своего правления Олег, как и Александр, одерживает блестящую победу: он вешает свой щит на воротах Царьграда, а казаки Александра пасут своих коней на Елисейских полях. Кончина Александра еще не случилась, когда Пушкин писал *Песнь...*, но угрожающая обстановка в стране ему подсказывала, что она неминуема.

Впрочем, такая интерпретация не является единственной. Так, Андрей Немзер недавно оспорил «анти-александровскую адресацию» пушкинской *Песни...* на том основании, что единственным человеком, которому Пушкин выслал рукопись (и у которого, по указанию Пушкина, должен был ее забрать Дельвиг), был Александр Тургенев. Аргументация исследователя такова:

[...] В письме упомянуты Карамзин и Жуковский. Зная общительный склад характера Тургенева, Пушкин явно рассчитывал, что его письмо и стихи станут известны старшим писателям, «уроки» которых освоены в *Песни...* – Карамзину (от которого пришла фабула) и Жуковскому (тема «поэт и властитель», стиховой размер). Такая адресация ясно указывает на отсутствие в *Песни...* «анти-александровского» плана¹³.

В примечании Немзер продолжает:

Будь в *Песни...* хоть намек на что-то подобное, Рылеев и Бестужев встретили бы ее с восторгом. [...] Остается дивиться [...] политиканскому хитроумию поэта, который сначала дразнит *Песнью...* старших [...], а потом отдает балладу не в «Полярную звезду», а в «Северные цветы» [...]¹⁴.

Что ж, с дерзостью и «политиканством» у Пушкина в годы южной ссылки было всё в порядке, и в этом контексте они не кажутся чем-то таким, чему нам лишь «остается дивиться». Ну, а возможность отдать балладу в «Полярную звезду» нельзя рассматривать даже гипотетически, ибо

¹² Н. М. Карамзин, *История...*, с. 88.

¹³ А. Немзер, «*Песнь о вещем Олеге* и её следствия», [в:] *Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литера-туроведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон*, под ред. А. Вдовина и Р. Лейбова, Тарту 2013, с. 254.

¹⁴ Там же.

(правда, не там, а в «Новостях литературы») уже был напечатан *Олег Великий* Рылеева, где, между прочим, есть и такая строфа:

Но в трепет гордой Византии
 И в память всем векам
 Прибил свой щит с гербом России
 К царьградским воротам¹⁵.

В рукописи пушкинской баллады имеется примечание к строке «Твой щит на вратах Цареграда» (в публикации, впрочем, снятое): «Но не с гербом России, как некто сказал, во-первых потому, что во время Олега Россия не имела еще герба»¹⁶. К этому следует добавить, что и само слово «Россия» в отношении к Олегову государству также является анахронизмом, оно вошло в употребление лишь с XVI в.

Но главный спор Пушкина с Рылеевым, Карамзиным и Языковым, конечно, не о том, какой герб был на щите Олега, а о самом значении его триумфа в жизни Руси и в его собственной жизни. Как именно Олег умер – не столь уж важно для Карамзина и последовавших за ним поэтов, кроме Пушкина. «Гораздо важнее и достовернее, – считал Карамзин, – то, что Летописец повествует о следствиях кончины Олеговой: *народ стенал и проливал слезы*»¹⁷. В противоположность этой установке для Пушкина «чудесная» смерть Олега вследствие недооценки духовного пророчества – итог всей его бездуховной и самообольстительной жизни.

Что помнят киевляне ровно тысячу лет спустя – щит на вратах Цареграда или смерть на горе Щековице? «Тело его погребено на горе Щековице, и жители Киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою*»¹⁸. Увлечение Пушкина Олегом, видимо, и началось с удивления тому, что «жители Киевские», его, Пушкина, современники, так же легко, как и тысячу лет назад, указали ему, в самом конце Подола, гору Щековицу, или Олеговку: мол, езжайте прямо, а там любой покажет, спросите кладбище... Так киевляне ответили бы и сегодня, 200 лет спустя; правда, кладбища уже нет, но есть Олеговская улица, в пушкинскую эпоху называемая Погребальной именно потому, что вела прямо на то самое кладбище. Пушкин провел в Киеве конец зимы 1821 г. Беловой автограф *Песни о вещем Олеге* датирован 1 марта 1822 г. За прошедший между этими датами год во время пребывания в Кишиневе поэт пересмотрел

¹⁵ К. Ф. Рылеев. *Полное собрание стихотворений...*, с. 108.

¹⁶ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений...*, т. 2, с. 346.

¹⁷ Н. М. Карамзин, *История...*, с. 86.

¹⁸ Там же, с. 88.

свои политические убеждения о возможной революции в России и углубил понимание истории и роли поэта в системе единовластия. Результатом этих размышлений стали такие тексты, как *Кинжал*, *Недвижный страж дремал...* и *Песнь о вещем Олеге*. В таком ракурсе взаимоотношения персонажей в *Песни...* и смещение этих взаимоотношений по сравнению с тем, как они показаны в сюжетном первоисточнике – *Истории государства Российского* Николая Карамзина, – приобретают глубокий историософский смысл.

Время славы «царя-победителя» погубило Александра, как за тысячу лет до него – Олега. Забыв, что он хотел не повторять ошибок прежних правителей (в сущности, для этого и назначен был Карамзин придворным историографом и писал свою историю), Александр повторил ошибку первого же из них, и этого оказалось достаточно, чтобы он, как Олег, погиб. Александр посчитал себя «самым вещим» в стране и сурово карал всякое независимое, свободное слово. Когда такое слово высказал молодой поэт, царь отправил его в ссылку, не вняв заступничеству Карамзина, Жуковского – всех тех, чье слово некогда было для него «вещим». Пушкин же из своей южной ссылки пропел песнь, которая, как оказалось, повествовала не только о судьбе князя Олега, но и о судьбе царя Александра, скоропостижно, в возрасте 48-ми лет, скончавшегося при странных обстоятельствах 19 ноября 1825 г. По сути, Пушкин в своей песни об Олеге и о волхве говорил о самом себе и о тезке-царе. И в альманахе *Северные цветы на 1825 год*, собранный бароном Дельвигом еще в начале 1824 г., он неспроста предложил свой южный цветок-пророчество на 1825 г.

References

- Clayton, J. Douglas. *Ten Dmitriya. Opyt prochteniya pushkinskogo "Borisa Godunova"*. Sankt-Peterburg: Akademicheskii projekt. Izdatelstvo DNK, 2007.
- Karamzin, Nikolai M. *Istoriya gosudarstva rossiiskogo*. Vol. I. Moskva: Kniga, 1988.
- Nemzer, Andrei. 'Pesn o veshchem Olege' i ee sledstviya. In: *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Litera-turovedenie, IX. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon*, eds. A. Vdovin, R. Leibov. Tartu, 2013: 233–301.
- Pushkin, Alexander S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* Vol. 4. Leningrad: Nauka. Leningrad. Otdelenie, 1977.
- Ryleyev, Konstantin F. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. Leningrad: Sovetskii pisatel, 1971.
- Yazykov, Nikolai M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*, ed. M. K. Azadovskii. Moskva; Leningrad: Academia, 1934.
- Yazykov, Nikolai M. *Stikhotvoreniya*. Moskva-Leningrad: Academia 1934.

Received: 05.03.2022. Verified: 22.10.2022. Accepted: 23.10.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)